

WORLD HISTORY / ВСЕСВІТНЯ ІСТОРИЯ

UDC 94(477)

DOI: doi.org/10.21272/shaj.2019.i32.p.27

NUGZARK. TER-OGANOV

PhD (History), Tel Aviv University (Israel), International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

THE GEOPOLITICAL ORIGINS OF THE CRIMEAN WAR (1853-1856) AND THE SECRET RUSSIAN-IRANIAN NEGOTIATIONS

Abstract. The Crimean War of 1853-1856 is regarded as one of the bloodiest wars in the history of XIX century.

Many authors dedicated their research for studying the military and political backgrounds of the Crimean War. It is notable that according to the Western (mainly, the British) historical tradition, as well as to the Soviet historiography, based on the Marxist ideology, the only person who was solely responsible for the origin of the Crimean War was the Russian Emperor Nicolai I. Nevertheless, as it becomes clear from the short analyses of the political situation in Europe in the prewar period, the clash of geopolitical interests of the leading European Empires, including France, and Ottoman Empire from one side, with the Russian Empire from another, eventually laid down the grounds for war.

For the purpose to guarantee safety on the Russian-Iranian border and at the same time to avoid rendering any possible military support to Ottoman Empire by Qajar Iran, Russia offered the Iranian authorities to conclude a military alliance. The Russian-Iranian diplomatic negotiations, started in May 1853, led to the signing in Tehran, in September 1854 of the secret "Convention of Neutrality", according to which Iran declared the non-interference policy in the Crimean War. As a reward for the signing of that convention Russia promised Iran not to recover the last payment of the known contribution, equal to a half million tumans, which Iran had to pay to Russia.

Keywords: The Crimean War of 1853-1856, the Status of the Black Sea, the Straits of Bosphorus and Dardanelles, the Paris Treaty of 1856, the Russian-Iranian Secret Negotiations in 1853-1854, the Iranian Convention of Neutrality of 1854.

ТЕР-ОГАНОВ Н.К.

Доктор історії, Тель-Авівський університет (Ізраїль), Міжнародний мережевий центр фундаментальних і прикладних досліджень (США)

ГЕОПОЛІТИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ КРИМСЬКОЇ ВІЙНИ (1853-1856 рр.) І ТАЄМНІ РОСІЙСЬКО-ІРАНСЬКІ ПЕРЕГОВОРИ

Анотація. Протягом столітнього періоду від кінця наполеонівських війн й до початку Першої світової війни Кримська війна (1853-1856 рр.) виявилася найбільш кровопролитною в історії людства.

Як в англійській (по історичній традиції), так і в радянській історіографії (з ідеологічних міркувань) закріпилася думка про виключну вину Миколи I за початок Кримської війни. Але, як показав аналіз передвоєнної політичної ситуації в Європі, зіткнення геополітичних, імперських інтересів конфронтуючих тоді сторін як у самій Європі, так і на Близькому Сході, підштовхнуло провідні країни континента – Англію, Францію, Австрію, – а також Туреччину до війни з Росією. Відповідно, у розв'язуванні війни були у більшому чи меншому ступені винні лідери цих країн.

Сформований не на користь Росії розклад сил перед початком війни з Туреччиною призвів імператорський двір до думки про необхідність укладання військового союзу з Іраном. Створення такого союзу допомогло б Росії запобігти створенню турецько-

іранського військового блоку, дії якого були б спрямовані на Кавказ. Побоюючись подібного результату, Росія розпочала влітку 1853 р. інтенсивні таємні дипломатичні переговори з Каджарським Іраном з метою укладання з цією країною військового союзу. Тривалі переговори завершилися у вересні 1854 р. підписанням у Тегерані, невідомої для широкого кола дослідників, конвенції про нейтралітет Ірана у Кримській війні.

У тих умовах, коли Росія протистояла об'єднаній європейській коаліції, а на Кавказькому фронті російській армії довелося воювати на двох флангах: проти турків на російсько-турецькому кордоні і з Шамілем – на Кавказі, нейтралітет Ірана можна вважати успіхом російської дипломатії.

Ключові слова: Кримська війна 1853-1856 рр., статус Чорного моря, Босфорська і Дарданельська протоки, Паризький мирний договір 1856 р., російсько-іранські таємні переговори 1853-1854 рр., іранська конвенція про нейтралітет 1854 р.

ТЕР-ОГАНОВН.К.

Доктор истории, Тель-Авивский университет (Израиль), Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований (США)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853-1856 гг.) И ТАЙНЫЕ РУССКО-ИРАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Аннотация. На протяжении столетнего периода от конца наполеоновских войн и до начала Первой мировой войны Крымская война (1853-1856 гг.) оказалась самой кровопролитной в истории человечества.

Как в английской (по исторической традиции), так и в советской историографии (по идеологическим соображениям) укоренилось мнение об исключительной вине Николая I за начало Крымской войны. Тем не менее, как показал анализ предвоенной политической ситуации в Европе, столкновение геополитических, имперских интересов противостоявших тогда сторон как в самой Европе, так и на Ближнем Востоке, подтолкнуло ведущие страны континента – Англию, Францию, Австрию, – а также Турцию к войне с Россией. Следовательно, в развязывании войны были более или менее в разной степени повинны лидеры этих стран.

Сложившийся не в пользу России расклад сил перед началом войны с Турцией привел императорский двор к мысли о необходимости заключения военного союза с Ираном. Образование подобного союза помогло бы России предотвратить создание турецко-иранского военного блока, действия которого были бы направлены на Кавказ. Опасаясь подобного исхода, Россия приступила летом 1853 г. к интенсивным тайным дипломатическим переговорам с Каджарским Ираном с целью заключения с этой страной военного союза. Длительные переговоры завершились в сентябре 1854 г. подписанием в Тегеране, неизвестной для широкого круга исследователей, конвенции о нейтралитете Ирана в Крымской войне.

В тех условиях, когда Россия противостояла объединенной европейской коалиции, а на Кавказском фронте русской армии пришлось воевать на двух флангах: против турок на русско-турецкой границе и с Шамилем – на Кавказе, нейтралітет Ірана можна считать успехом русской дипломатии.

Ключевые слова: Крымская война 1853-1856 гг., статус Черного моря, Босфорский и Дарданельский проливы, Парижский мирный договор 1856 г., русско-иранские тайные переговоры 1853-1854 гг., иранская конвенция о нейтралитете 1854 г.

1. Введение. Крымская война 1853-1856 гг., по замечанию Е.В.Тарле, “является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России” (Тарле, 1950: 5). Следует заметить, что эта война оказалась самой кровопролитной за период от окончания наполеоновских

войн и до начала Первой мировой войны. Крымская война, согласно утверждению Клива Понтинга, унесла 650 тыс. человеческих жизней, причем наибольшее количество жертв пришлось на Россию - около 475 тыс. человек (Ponting, 2004: 334). Тем не менее она стала знаменательной вехой в истории России поскольку сыграла решающую роль в запуске программы по переустройству общества. Поражение России в Крымской войне показало ее правящим кругам глубокую военно-техническую и социально-экономическую отсталость страны и убедил в необходимости отказа от режима крепостничества, а также реформирования устаревшей судебной системы, утверждения местного самоуправления, развития дорожной инфраструктуры и т.д.

Следует заметить, что Крымской войне посвящено немало научных исследований, воспоминаний, опубликованы документы на разных языках, в основном на русском и английском, в которых нашли отражение многие вопросы военно-политического характера. Вместе с тем в историографии укоренилось однобокое суждение о единоличной ответственности Николая I, как зачинщика Крымской войны, нашедшее отклик как в английской (традиционный), так и в советской исторической литературе (в соответствии с идеологическими установками, берущими начало еще от Маркса и Энгельса и в последствии плавно перекочевавших в советскую историографию), главным виновником однозначно назывался Николай I. Тем не менее, не все исследователи готовы разделить это мнение. Например, С.Е.Вуллиами правильно полагает, что ответственными за Крымскую войну по разным причинам и в разной степени были Николай I, Наполеон III, Страдфорд Каннинг¹, Пальмерстон², князь Меншиков и Абердин³. По его замечанию: “Мы не можем принять взгляд, который делает одного или другого из двух императоров, Николая и Наполеона, по отдельности или вместе ответственными за войну” (Vulliamy, 1939: 56-57).

2. Обсуждение и результаты.

1. Расклад политических сил в Европе перед началом Крымской войны.

Целью данной статьи является исследование политических взаимоотношений европейских государств с Россией накануне Крымской войны, а также причин, приведших к ее развязыванию. На фоне исследования военно-политических и геополитических предпосылок этой войны анализируется ход тайных русско-иранских переговоров по вопросу о привлечении Каджарского Ирана (1796-1925 гг.) на сторону России в случае начала войны с Османской Турцией.

Лейтмотивом Крымской войны 1853-1856 гг., как известно, послужил так называемый “Восточный вопрос”, то есть вопрос о судьбе владений слабеющей Османской империи, на территории которой традиционно скрещивались торгово-экономические, а также военно-стратегические интересы многих европейских стран. Вместе с тем Крымская война ознаменовала собой завершение сорокалетнего периода относительного спокойствия в Европе, достигнутого в результате разгрома Наполеона I и решений Венского конгресса 1815 г., главный смысл которого, как известно, состоял в сдерживании Франции.

Неизвестно, как долго продержался бы мир в Европе, если бы не Февральская революция 1848 г. во Франции, положившая конец правлению династии Бурбонов в лице Луи-Филиппа. После подавления революции, в конце 1848 г. на пост президента был избран принц Луи-Наполеон Бонапарт, который этим не довольствовался и в декабре 1852 г. объявил себя императором Наполеоном III. Следует заметить, что несмотря на то, что с момента Венского конгресса до Февральской революции Франция не проявляла особой внешнеполитической активности, тем не менее французские торговые и финансовые круги имели большие интересы в странах Ближнего Востока, в частности в Турции.

Особый интерес к Османской империи и странам Ближнего и Среднего Востока проявляла Британская империя. Она рассматривала Турцию, как важную артерию международной транзитной торговли, и что самое главное, кратчайший путь в Индию, драгоценную колонию Британской империи. Защита Индии, после потери контроля над американскими колониями в Северной Америке во второй половине XVIII в., стала альфой и омегой британской политики на Востоке (Jelavich, 1964: 54). Исходя из этого Англия с подозрением смотрела на попытки отдельных государств или альянсов пошатнуть ее владычество в Индии и она всегда предпринимала шаги по их нейтрализации. Достаточно напомнить о провале планов похода Павла I и чуть позже Наполеона Бонапарта совместно с Александром I в Индию. Поскольку Османская империя, как и Иран, лежали на пути к Индии, то Англия на протяжении всего XIX в. – начала XX в. болезненно воспринимала территориальные потери этих стран. Так было, например, во время русско-турецких и русско-иранских войн первой половины XIX в.

Подобными же интересами, прежде всего военного и геополитического характера, руководствовалась и Российская империя в отношении Османской империи и стран Ближнего и Среднего Востока. Основным тезис русской политики в отношении Ближнего Востока состоял в необходимости доступа России в южные моря – Средиземное море и Персидский залив, имеющие выход в открытый океан. Чтобы иметь свободный доступ к черноморским проливам⁴ и Средиземному морю России следовало решить проблему, по образному выражению императора Николая I, “больного человека”, то есть Османской Турции, которая, по его убеждению, к тому времени уже “созрела” для полного распада. Причем ему казалось, что международное положение вполне благоприятствовало его затее, тем более что, как писал русский историк А.Корнилов: “До крымской кампании мощь русского правительства казалась колоссальной, а сила никлаевской системы – непоколебимой не только в его глазах, но и в глазах его ближайшего окружения, включая наследника престола” (Kornilov, 1970: 1). Но дальнейшие события показали иллюзорность умозаключений Николая I и его министра иностранных дел графа канцлера Карла Васильевича Нессельроде.

Четвертая сторона, у которой также были немалые интересы в отношении Османской империи, и в частности на Балканах, была Австрийская империя, судьба которой всего за четыре года до начала Крымской войны буквально висела на волоске. Как известно, в 1848-1849 гг. волна революций прокатилась по Европе. В 1848 г. венгры подняли восстание против австрийской империи Габсбургов, создав тем самым смертельную угрозу ее существованию. Тогда император Николай I выступил на защиту изнемогавшей от крайнего напряжения австрийской империи и подавил венгерское восстание, чем спас ее от полного разгрома. Эта неоценимая услуга, оказанная Австрии, стала в дальнейшем неоправданной верой Николая I в то, что “благодарная Австрия” станет союзницей России при любом раскладе сил в Европе.

Таким образом, конец 40-х годов XIX в. оказался венцом торжества абсолютизма в Европе: волну революций на континенте благодаря Николаю I удалось силой подавить. Находясь в ореоле славы, русский император нашел время подходящим для осуществления своей затеи – раздела Османской империи. При царском дворе создавшееся в Европе положение посчитали благоприятным, ведь Австрия и Франция только недавно оправились от революций, следовательно, по логике вещей они должны были заниматься своими внутренними проблемами и, как там полагали, они не должны были интересоваться планами русского императора. Кроме того русский императорский двор не допускал и мысли о возможном союзе Наполеона III, племянника великого Наполеона, с англичанами (Тарле, 1950: 9). Но, как мы уже указывали выше, эти предположения также не оправдались. Как вскоре выяснилось, Франция не хотела

мириться с тем унижительным положением, в котором она находилась до Февральской революции 1848 г., и лелеяла надежду на возрождение своего имперского статуса. А повод для этого тут как тут нашелся – религиозный спор между Францией и Россией за первенство на покровительство христиан на Святой земле, которая в ту пору находилась во владении турецкого султана, сослужил спусковым курком для завязывания франко-русского конфликта по данному вопросу. Суть конфликта состояла в том, что по настоянию французского императора, турецкое правительство отобрало у православных ключи от Вифлеемского храма и передало их католикам. Поскольку обладание этими ключами отождествлялось на Востоке с престижем государства, следовательно, потеря Россией этой привилегии воспринималась при царском дворе, как ущемление престижа государства. Для восстановления чести и решения данного вопроса императором Николаем I в конце февраля 1853 г. был направлен в Константинополь в качестве чрезвычайного посла морской министр князь А.С. Меншиков (Пушкарев, 1956: 194). Вместе с тем нельзя не признать, что “озабоченность” Николая I по поводу религиозного диспута служила лишь завесой для его планов. В этой связи следует напомнить, что в том же январе 1853 г. Николай I собственноручно составил документ, о котором почти нет упоминания в историографии по данному вопросу, согласно которому, планировались две атаки в составе 16 тыс. человек с Севастополя и Одессы на Босфорский пролив и Константинополь⁵. Также предполагалось занятие Дарданельского пролива в случае приближения французского флота (Baumgart, 1996: 26).

Что касается Австрии, то необходимо заметить, что она считала попытки России по освобождению славянских народов Балкан от османского ига опасными и для самой себя, поскольку она опасалась за территориальную целостность своей многонациональной империи. По этой причине Австрия не была заинтересована в распаде Османской империи. Но основным противником России в вопросе будущего раздела Османской империи оказалась Англия.

Защищая свои имперские интересы на Ближнем и Среднем Востоке, Англия на протяжении всего столетия не допускала и мысли о возможных территориальных приобретениях России на Востоке, в частности за счет Османской империи. Об этом, конечно, не могли не знать как в российском МИДе, так и при императорском дворе. Между тем многократные заявления Николая I о приглашении Англии к разделу Османской империи не оставили сомнений в серьезности намерений русского императора, что крайне встревожило англичан.

Следует заметить, что известное, неоправданное историческим прошлым, англофильство Николая I сыграло с ним злую шутку. С одной стороны, как замечает американский исследователь У. Брюс Линкольн, русскому императору нравился английский стиль жизни, но при этом он не воспринимал принципы конституционной монархии, и вообще не понимал природу английской глобальной политики на Ближнем и Дальнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и Центральной Азии (Lincoln, 1978: 331). Более того, русский царь глубоко заблуждался, надеясь на поддержку со стороны Англии в деле раздела Османской империи, взамен чего он был готов оказать содействие ей в приобретении Египта, но как справедливо замечает Филип Уорнер, “Британия не была готова получить его за счет расчленения Турции” (Warner, 1972: 6). Действительно, не понятно почему Николай I в январе 1853 г. так откровенно и вместе с тем неоднократно излагал свои будущие намерения по разделу Турции в конфиденциальной беседе с английским послом в Санкт-Петербурге сэром Хамилтоном Сеймуром, надеясь на заключение “джентльменского соглашения” между Англией и Россией. Согласно С.Е.Вуллиами, позже, уже 20 и 21 февраля 1853 г. Николай I еще раз повторил уже

сказанное им, присовокупив при этом, что Англия в случае ее согласия могла бы рассчитывать на получение Египта, и Кипра в придачу (Vulliamy, 1939: 52-53).

Более подробно о своих планах в отношении владений Османской империи русский император высказался в своем «меморандуме» в январе 1853 г., согласно которому он намеревался присоединить к империи дунайские княжества и северную часть Болгарии. По его плану, Сербии и Болгарии следовало дать независимость. Что касается Константинополя, то этот город должен был стать свободным городом, а в Босфорском проливе должны были поставить русский гарнизон, а в Дарданельском проливе – австрийский гарнизон (Baumgart, 1999: 25). По утверждению Винфрида Баумгарта, когда с планами Николая I ознакомился молодой австрийский император Франц-Иосиф, он стал отговаривать его от их осуществления, поскольку это означало бы начало революций на Балканах и войну с западными странами (Baumgart, 1999: 26). Видимо русский император надеялся если не на поддержку, то понимание со стороны Англии, но вместо этого в войне с Турцией он получил антирусскую коалицию в составе вышеперечисленных европейских стран, к которой позднее присоединилось и Сардинское королевство.

Вообще вызывает удивление неоправданные ожидания Николая I от английского двора в то время, как английский кабинет традиционно был настроен антирусски. Более того, нельзя не учитывать то негативное общественное настроение, которое существовало в Англии в отношении политических амбиций России. Оно нашло полное отражение в плане Пальмерстона, составленном за несколько дней до объявления России войны, когда 19 марта 1854 г. он роздал его членам кабинета. По этому плану предусматривался раздел России, в частности Финляндия и Аландские острова должны были быть возвращены Швеции, балтийские провинции переданы Пруссии, Польшу следовало объявить королевством. Что же касается Крыма и Грузии, то по плану Пальмерстона, их следовало вернуть Турции. Хотя этот план не был одобрен другими членами английского кабинета, тем не менее в целом он демонстрировал отношение Англии к России.

2. Миссия А.С.Меньшикова в Константинополь и скатывание к войне.

Очевидно, что не дождавшись положительного ответа от английского двора, Николай I решил действовать. Для решения вопроса о святых местах, как уже отметили выше, в Константинополь в качестве спецпредставителя императора был направлен князь А.С.Меньшиков, задача которого состояла в передаче турецкому султану жестких требований русского императора. Меньшиков прибыл туда в начале марта 1853 г. Его назначение на пост посла совпало с отставкой многоопытного английского посла, яркого русофоба и последователя политики Пальмерстона, лорда Стратфорда Каннинга, получившего в 1852 г. титул «Де Редклифа». Когда англичане узнали о миссии Меньшикова, в Константинополь в срочном порядке был возвращен Де Редклиф, которому со стороны английского правительства была обещана поддержка армии и флота. Следует признать, что находясь в Константинополе Меньшиков вел себя надменно, нарушая часто дипломатический этикет. Не обладая остротой ума и дипломатической гибкостью, он терпел в каждом рассматриваемом вопросе поражение, за которым стоял, как правило, Де Редклиф (Vulliamy, 1939: 56). Следует заметить, что последний, в свою очередь, сделал все возможное, чтобы миссия Меньшикова потерпела крах (Warner, 1972: 9).

Не получив удовлетворения на свои требования в адрес турецкого султана, 14 мая 1853 г. Меньшиков фактически разорвал дипломатические отношения с Турцией, а 21 мая и вовсе покинул со своей свитой Константинополь (Vulliamy, 1939: 58). Через месяц после отъезда Меньшикова, уже в начале июля русская армия вошла в Бессарабию и

заняла дунайские княжества – Молдову и Валахию, над которыми до тех пор существовал двойной русско-турецкий протекторат. В ответ на это 4 октября 1853 г. Турция потребовала эвакуации русских войск в течение пятнадцати дней и вслед за этим она объявила войну России (Vulliamy, 1939: 58). В свою очередь Россия направила адмирала Нахимова к турецким берегам, где 30 ноября в Синопской бухте ему удалось разгромить весь турецкий флот⁶, после чего русско-турецкая война стала неизбежной. В этом противостоянии Англия и Франция поспешили занять сторону Турции. Тем не менее до марта 1854 г. не было каких-либо активных действий ни с одной стороны. Однако уже в марте британский министр иностранных дел лорд Кларендон послал ноту русской стороне, которая была поддержана Францией и Австрией, с требованием вывести войска из Молдовы и Валахии до 30 апреля 1854 г., в противном случае все три государства грозились объявлением войны России. На этот ультиматум Россия ответила отказом уже 19 марта 1854 г., после чего 28 марта Англия и Франция официально объявили войну России. Для укрепления союза 11 апреля эти страны подписали двусторонне соглашение (Warner, 1972: 12), к которому позднее присоединилось и Сардинское королевство. 24 апреля 1854 г. объединенный англо-французский флот стал бомбить Одессу, что стало прелюдией к высадке англо-французских войск в Крыму и 9-месячной осаде Севастополя.

Военные действия охватили Балканы, Черное море, Крым и Кавказ. Если на Балканах в начале военной кампании туркам удалось достичь определенных успехов, а европейским союзникам Турции – на Крымском полуострове, то этого нельзя сказать о Кавказском фронте, где несмотря на численное превосходство анатолийской армии Турции, расквартированной в Эрзруме, Карсе, Ардагане и Баязете вблизи русско-турецкой границы на Кавказе (Badem, 2010: 143-144), кавказские части русской армии смогли нанести поражение туркам и занять Баязет и Карс.

Таково было вкратце положение перед Крымской войной и в самом ее начале. По многим показателям соотношение противоборствующих сторон сложилось не в пользу России. Кроме того, альянс, сложившийся сразу после начала войны между турками и Шамилем, мог создать русским, как и христианскому населению Кавказа в целом, реальную угрозу (Royle 2004: 416). По этой причине для нее было крайне важно еще до начала военных действий на русско-турецкой границе на Кавказе не допустить присоединение Ирана к антирусской коалиции и предотвратить возможную военную поддержку этой страной Турции.

3. Русско-иранские переговоры (1853-1854 гг.) и Крымская война.

А какие конкретные цели в данном вопросе ставила перед собой русская дипломатия, мы узнаем из неопубликованного русского архивного материала “*Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией*”. Предлагаемое ниже содержание дипломатической переписки князя Меншикова с российским посланником в Тегеране князем Долгоруким и наместником царя на Кавказе графом М.С.Воронцовым (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890) раскрывает цели русской дипломатии в отношении Ирана перед началом и в ходе Крымской войны за период от мая 1853 г. до октября 1854 гг.

Кстати, в конце мая о прекращении, а затем и о разрыве дипломатических отношений с Турцией Меншиков уведомил как наместника на Кавказе графа М.С.Воронцова, так и российского полномочного посланника в Тегеране князя Долгорукого, в связи с чем последний обратился в российский МИД за инструкцией. Следует заметить, что в своем письме на имя наместника Меншиков сообщал о желательности начала со стороны иранцев военной операции на границе с Турцией, делая акцент на район Котура, который всего лишь за 3-4 года до того был захвачен

турками. По мнению Меншикова, такая вылазка со стороны иранцев очень бы устроила Россию. В связи с этим Меншиков интересовался местом дислокации иранских войск, а также установлением личностей командного состава. Российский посол просил наместника снабжать его сведениями, поступающими из Ирана и Турции. В свою очередь, в своем личном письме на имя Долгорукого, Воронцов переадресовал все эти вопросы российскому посланнику в Тегеран и просил его ответить на них (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 161).

Следует заметить, что в ответ на запрос Воронцова Долгорукий сообщил сведения о номинальном количестве иранских войск, находившихся в то время распоряжении правителя Ирана Насер эд-Дин-шаха Каджара (1848-1896 гг.). Согласно его данным, шахское войско состояло из 91 тыс. пехотинцев, 20 тыс. конных, 1 тысячи шахских стражей – голямов и 5 тыс. артиллеристов при 800 орудиях. Однако, как справедливо заметил посланник, это количество войск было номинальным, и что, например, орудий, годных для использования, было всего-навсего 100 единиц, не считая 500 замбуракчи⁷ на верблюдах или мулах. По сообщению российского посланника, эти войска были дислоцированы на севере: в Азербайджане и в соседних провинциях. Что касается кочующих племен, которые в случае надобности могли быть вооружены, по справедливому замечанию российского посланника, они были способны заниматься только грабежами; что касается войск, находившихся в южной части государства, на этот счет, как выясняется из записки, у посланника не было достоверных сведений.

Необходимо отметить, что тогда факт скопления иранских войск у границ Турции встревожил англичан и они поспешили просить шаха, не напрягать Турцию сбором войск, которая вот-вот должна была начать боевые действия против России. По заявлению англичан, воздержание иранцев от демонстрации силы в отношении Турции было бы воспринято ими как проявление доброго знака (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 162).

Между тем, согласно сообщению Долгорукого, шахское правительство было готово встать на стороне России при условии, если последняя дала бы слово, что в случае заключения мирного договора с Турцией завоеванные Ираном турецкие земли останутся в его владении (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 164). Несмотря на то, что Долгорукий не дал прямого ответа, тем не менее иранский садр-азам⁸ выразил готовность стать союзником России. Он же 25 июля 1853 г. отправил Долгорукому секретную программу, составленную самим Насер эд-Дин-Шахом, которую, в свою очередь, посланник передал Воронцову. В ней были изложены иранские условия заключения союза. Она состояла из следующих пунктов: а) России следует принять во внимание скудность шахской казны и отказаться от выплаты, согласно Туркманчайскому договору, неуплаченной части (одного кошура туманов) контрибуции, б) Россия передаст Ирану необходимое количество военных припасов, в) Россия должна дать свое согласие на союз с Ираном пока та будет воевать с Турцией, г) после наступления мира не все турецкие территории, захваченные Ираном, следует вернуть. В случае же, если Турция все-таки будет настаивать на этом, тогда ей следует покрыть все военные расходы Ирана. На этих условиях иранское правительство было готово взять на себя обязательство до заключения мира с Турцией держать наготове 60 тысяч пеших, конных и артиллерию, и воевать с ней; если же Россия будет готова прислать русских офицеров для руководства шахской армией, то это будет принято благосклонно (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 166).

Следует заметить, что Долгорукий предупредил шаха и о том, что преждевременный сбор иранских войск в лагере под Солтание⁹, в условиях когда еще не объявлена война, мог вызвать ненужное подозрение у Турции. 18 августа 1853 г. Долгорукий послал в российский МИД депешу, в которой сообщал об «интригах» англичан. Согласно ей, английская миссия была против поездки шаха в Солтание и

передала ему секретные предложения османской Порты через иранского консула в Багдаде о необходимости заключения турецко-иранского союза, а также о совместном нападении на Закавказье¹⁰. На эти предложения садр-азам ответил отказом и заявил, что Иран соблюдает нейтралитет. Тем не менее, как докладывал Долгорукий в своей депеше от 11 сентября 1853 г., шах, вопреки предупреждениям англичан, прибыл в Солтание, где к тому времени уже было собрано 29 тысяч пеших, 8 тысяч конных и 30 орудий (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 168). Однако, как выясняется, из-за свирепствовавшей в иранском лагере холеры шах был вынужден поспешно вернуться в Тегеран и отдать приказ о роспуске войск. Долгорукий упрекнул шаха в том, что якобы в такое время не следовало распускать войска, на что последний заявил, что виной тому была холера. Со слов шаха Долгорукому стало известно, что только после получения ответа из Санкт-Петербурга относительно его предложений, шах был готов приступить к сбору войск. В этой связи нам остается только гадать, действительно ли причиной роспуска войск была холера, или же эта была дипломатическая уловка шаха.

В своем личном письме от 2 октября 1853 г. на имя Воронцова Долгорукий сетовал на отсутствие у него инструкций для руководства. Тем не менее, по его убеждению, российский МИД желал, чтобы до начала войны с Турцией Иран соблюдал бы дружественный нейтралитет. Не доверяя изменчивому характеру садр-азам, Долгорукий был категоричен в том, что нельзя было допустить недружественных актов со стороны иранского правительства.

Тем временем граф Нессельроде в своей депеше от 6 октября на имя графа Воронцова довел до его сведения, что Долгорукому было поручено передать шаху благодарность со стороны императора за дружественное предложение. Вместе с тем российскому посланнику был дан совет, воздерживаться от выражения положительных откликов по поводу представленных шахом условий союза для избежания недоморазумений, которые могли толкнуть шахский двор в сторону противников России (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 171). Вместе с тем император приказал Долгорукому возобновить переговоры с Ираном, полагая, что в случае нападения Турции на Закавказье Иран мог бы оказать большую помощь России в виде проведения военной диверсии против турецких войск. При этом российский император требовал от Долгорукого не касаться вопроса заключения оборонительного или наступательного договора с Ираном, но взамен за оказанную военную поддержку предлагал отказаться от выплаты этой страной оставшейся суммы контрибуции в виде одного корура¹¹. Кроме того следовало сообщить, что интересы Ирана будут полностью учтены во время подписания мира с Турцией. Вместе с тем, по совету императора, шаху следовало иметь в готовности 60 тысяч войск, однако не задействовать их до тех пор, пока не начнется война (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 169-170).

Тем временем англо-иранские отношения обострились настолько, что английский поверенный в делах в Тегеране спустил флаг на своем доме и объявил о прекращении политических отношений с Ираном, в связи с чем шах передал жалобу английскому правительству через своего поверенного в Лондоне. Как выясняется, поводом для разрыва отношений послужила история с неким Хаджи Абул Керимом (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 173). Однако, как можно было догадаться, действительной причиной такого поведения английского поверенного мог стать сбор 40-тысячного корпуса под командованием Азиз-хана в Хое, на стыке турецко-иранской границы. По сообщению Долгорукого, тогда шах сам собственноручно буквально скрепил союз Долгорукого с иранским садр-азамом. Примечательно, что для решения всех вопросов с Долгоруким садр-азам назначил своих уполномоченных в лице Мирзы Джафар-хана и Фарух-хана. Со своей стороны Долгорукий передал шаху следующие предположения русской стороны:

1. 60-тысячное войско шаха будет передано в распоряжение императора, 2. Большая часть армии, по меньшей мере 40 тысяч, отправится в сторону Хоя, 3. Никакие военные операции не будут проведены без предварительной договоренности с главнокомандующим императорскими войсками, 4. Иранский командующий, сардар-е кул, немедленно отправится в Тавриз с тем, чтобы установить непосредственную связь с русскими офицерами, которые были предварительно отправлены туда, и 5. Во всех делах ему следовало действовать быстро.

Представленные Долгоруким предложения, особенно отправка русских офицеров в Тавриз, указывают на то, что в Санкт-Петербурге серьезно рассматривали вопрос не только о военном союзе с Ираном, но и о подчинении иранской армии русскому командованию.

Следует заметить, что после окончания этих переговоров иранские царедворцы потребовали от Долгорукого передачи им секретной депеши графа Нессельроде, однако последний не мог их предоставить поскольку было приказано не разглашать их содержание (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 174-176).

8 ноября 1853 г. в своем письме на имя графа Нессельроде граф Воронцов писал о том, что, согласно высочайшему пожеланию, для руководства стратегическими движениями иранских войск на линии Хоя ему следовало отправить в Тавриз одного генерала и двух штабс-офицеров Кавказской армии для встречи и совещания с иранским главнокомандующим. В связи с этим избранному для осуществления данной миссии генералу Санковскому¹² было дано поручение связаться с находившимся на турецкой границе командующим русскими войсками князем Бебутовым с тем, чтобы поставить его в известность о передвижениях иранских войск. Со своей стороны, последний должен был сообщать генералу Санковскому обо всех указаниях и сведениях, которые могли быть полезны для армии. Следует заметить, что для налаживания связи русских офицеров с иранцами был использован статский советник Н.В.Ханьков, в будущем известный русский востоковед (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 177).

По сообщению Долгорукого, в то время, как шах хотел послать войско и установить союз с Россией, его садр-азам почему-то решил направить войско к турецкой границе для недопущения ее нарушения! В связи с этим Долгорукий вопрошал: А хватит ли у шаха воли, чтобы не отказаться от данного им слова? Но ситуация, по его мнению, могла окончательно проясниться только после встречи Бебутова с главнокомандующим иранскими войсками Азиз-ханом (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 180-181).

Между тем отправка иранских войск к турецкой границе вызвала беспокойство у турецкого посла в Тегеране, в связи с чем 9 ноября 1853 г. туда была отправлена военно-дипломатическая комиссия (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 180-181).

Вслед за этим в российской дипломатической миссии в Тегеране состоялась встреча Долгорукого с иранским уполномоченным Мирзой Джафар-ханом, в ходе которого Долгорукий подробно рассказал о содержании русских предложений. Однако вскоре после этой встречи в своей депеше Долгорукий сообщил о том, что, как он ожидал, шах не сдержал своего слова. Что касается садр-азам, то он стал требовать, чтобы прощение одного корура туманов было бы предусловием заключения русско-иранского союза. Иран был готов воевать под покровительством русского оружия за свои интересы. Тем не менее, для оправдания изменения в позиции Ирана относительно пунктов будущего договора садр-азам неожиданно для Долгорукого стал ссылаться на то, что якобы у него не было оправдания как в глазах духовенства, так и народа для ведения наступательной войны против Турции.

В результате, по утверждению Долгорукого, Насер эд-Дин-шах отказался от данного им слова. Тогда Долгорукий попросил садр-азам вернуть приватное письмо,

переданное шаху. Почувствовав, что перегнул палку, садр-азам заявил ему, что во-всяком случае Иран был готов оказать моральную поддержку России (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 184). После получения этих сведений Воронцов приказал, чтобы отправленный в Иран генерал Санковский и другие штаб-офицеры оставались бы в Ереване до получения ими дальнейших указаний, о чем 23 ноября он сообщил и князю Долгорукому, а также российскому генеральному консулу в Тавризе Н.А. Аничкову¹³.

28 ноября Долгорукий отправил депешу, в котором сообщал о том, что 1. Иранское правительство, по требованию российской миссии, указало руководству Азербайджана на то, чтобы оно следило бы за тем, чтобы русские или турецкие войска не вошли бы в Иран и поддерживало бы порядок на границе. 2. Иранское правительство неожиданно изменило свое отношение к английскому поверенному и решило удовлетворить его требования в связи с делом Хаджи Абдул Керима, что, по нашему мнению, могло свидетельствовать о корректировке позиции Ирана в отношении России. Таким образом, вместо военного союза в Иране стали отдавать предпочтение соблюдению страной строгого нейтралитета. Между тем еще не получив сообщения об изменении позиции Ирана в вопросе заключения русско-иранского союза, 28 ноября 1853 г. Нессельроде отправил депешу на имя Воронцова, в котором сообщил ему об инструкции, отправленной Долгорукому, в которой Николай I выразил удовлетворение по поводу решения шаха о заключении русско-иранского союза. В случае разрыва отношений с Англией русский император обещал не оставить без защиты свою союзницу, и что во время заключения мирного договора с Турцией русской стороной будут учтены интересы Ирана. Вместе с тем было указано на бесполезность возможного иранского похода на Багдад в виду того, что это мероприятие могло отвлечь иранские войска от выполнения общей задачи. Однако он поддержал мысль о сборе 40-тысячного иранского войска в Хое для ведения общих военных действий и призвал иранское правительство действовать энергично (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 185-186).

Как видно, при императорском дворе еще не знали об изменении позиции Ирана. Поэтому в своей депеше от 14 декабря 1853 г. на имя Нессельроде графу Воронцову пришлось сообщить ему об изменении взглядов шаха и о его желании соблюдать строгий нейтралитет. По мнению Воронцова, было принципиально важно, чтобы Иран не был против России, и что один их отряд был бы вполне достаточен для обуздания грабительских нападений со стороны иранских курдов; вместе с тем, полагая, что следовало бы исключить возможность турецко-иранского альянса, Долгорукий предложил внести еще больший разлад между ними путем распространения в Иране мысли о праве этой страны на обладание Багдадом (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 187).

21 декабря 1853 г. граф Воронцов получил очередную депешу от графа Нессельроде. В ней тот сообщил ему о содержании новой инструкции, адресованной князю Долгорукому, которую он просил переслать ему и в которой было принято во внимание изменение шахской позиции.

Как выясняется, этих инструкций было две: одна – официальная, другая – секретная. Согласно официальной инструкции, если шах, по своей неопытности и молодости, отказывается от данного им слова, то ему следовало бы признаться императору, что он ошибся; кроме того, следовало довести до сведения шаха, что император был расстроен лицемерным поведением иранского кабинета. Вместе с тем было подчеркнуто, что Россия не искала этого союза, тем не менее она приняла его, когда ей это предложили, и что Россия из без этого союза справится с положением и не нуждается в этом деле в чьей-либо помощи (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 188).

В официальной инструкции также было рекомендовано Долгорукому в беседе с шахскими министрами убедить их в том, что в нынешних условиях шахское

правительство имело полную свободу быть в строгом нейтралитете или же соединить свое оружие с русскими. Понятно, что оно имело в отношении Турции требования, жалобы и хотело отомстить. Следовало указать, что до тех пор пока у Турции были мирные отношения с другими странами, у нее были силы для отпора иранцев, но теперь настало удобное время (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 189). Россия не приняла не только данные иранцами условия, но и не хотела ни моральной поддержки (*appui moral*), которую предложил ей садр-азам вместо военной поддержки (*cooperation armée*). Особенно следовало отметить, что для России было предпочтительнее нейтральная позиция Ирана, чем заключение сомнительного и несердечного союза с ним (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 190). Вдобавок к этому было велено Долгорукому передать шаху и его министрам, что отныне император считает уничтоженным все то, что было сказано по этому поводу, а письмо, которое было передано шаху, следует вернуть (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 190).

Что касается секретной части инструкции, то, согласно ей, предательство иранцев не застало русскую сторону врасплох. Как утверждалось в инструкции, русское правительство с самого начала не надеялось на получение пользы от иранского войска, тем не менее, главная польза заключалась в недопущении военного союза между Ираном и Турцией, в результате которого России пришлось бы выделить войска для защиты своих границ на Араксе. Исходя из вышесказанного, российскому посланнику поручалось устроить так, чтобы Иран оставался в “строгом нейтралитете” и не дал бы возможность противникам России использовать эту страну в антирусских действиях. Как указывал Нессельроде, это было бы наилучшим выходом в условиях, когда иранцам было свойственно часто менять свои взгляды (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 190).

Вместе с тем посланнику был дан совет, отвергать всякое предложение таким образом, чтобы не оскорбить самолюбие иранского правительства. В случае же, если врагам удастся переманить Иран на свою сторону и он перейдет на явное предательство, тогда посланнику следовало припугнуть его, заявив что после войны этой стране придется заплатить за свое предательство. По мнению Нессельроде, эта мысль должна была дозвлеть над шахским советом, “словом – удержать Персию¹⁴ в строгом нейтралитете должна быть цель всех усилий и стараний нашего посланника” – резюмировал российский министр иностранных дел. Эту депешу очень скоро, уже 31 декабря 1853 г. успели получить в Тегеране.

Что касается частного письма императора, то, согласно Долгорукому, его вернули (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 192-193). Следует заметить, что по настоянию Долгорукого, “персидское правительство решилось опубликовать официальное сообщение о своем нейтралитете в виду возникшей между Россией и Турцией войны, что и сделано посредством статьи, напечатанной в официальной газете Тегеранской” (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 194)¹⁵.

Тем не менее иранское правительство, как только узнало о победах России в Азиатской Турции, пожелало заключение союза. Об этом стало известно из секретной депешы от 27 января 1854 г. графа Нессельроде на имя графа Воронцова. Между тем с иранской стороны было выражено извинение по поводу неудачно проведенных русско-иранских переговоров и передано предложение об отправке в Санкт-Петербург или Тифлис своего представителя для заключения договора. По свидетельству этой “Записки”, российское правительство дало на это свое согласие, чтобы не вспугнуть Иран и не подтолкнуть его в объятия ее противников. В связи с этим Долгорукому было дано указание, выдать тем персидским уполномоченным паспорта для прибытия в Тифлис (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 194-195). Одновременно с этим графу Воронцову было поручено вести переговоры с иранской стороной, имея в виду, что ему следовало “не соглашаться на ручательство тех завоеваний, кои персияне могли бы сделать в

Турецких владениях и не принимать первоначальной программы, стараясь только продлить время и тем отклонить всякий новый переворот в поведении Персии”. Инструкция Долгорукому была составлена с той же целью. Вместе с тем ему было предложено неофициально подтолкнуть Иран на поход на Сулейманию. В другой депеше от 11 февраля 1854 г. Воронцов добавил Долгорукому, что было бы хорошо если бы иранцы устроили бы поход на Багдад или Сулейманию. Между тем иранский представитель Садр Мирза Мохаммад Хосейни, возвращавшийся из Санкт-Петербурга в Тегеран, заявил о желании Ирана возобновить прерванные переговоры. Вместе с тем генеральный консул в Тифлисе Касем-хан передал лично Воронцову письмо от первого министра Ирана Мирзы Ага-Хана и просил его оказать помощь в возобновлении этих переговоров (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 196-197). О содержании этого письма Воронцов был вынужден сообщить Нессельроде, поскольку согласно ему, Долгорукий вел себя перед шахскими министрами, особенно с садр-азамом, весьма вызывающе. Воронцов посчитал такое поведение российского посла вредным для интересов России и рекомендовал Долгорукому поменять свое отношение к иранскому первому министру. Тем не менее Воронцов не стал требовать отставки строптивного российского посланника (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 204).

Тем временем, как выясняется из “Записки”, еще 7 февраля Долгорукий обратился к иранскому садр-азаму с вопросом о времени отправки его представителя в Тифлис для ведения переговоров. Хотя садр-азам не дал четкого ответа, тем не менее он отметил, что пока тот не получит от своего представителя в Санкт-Петербурге пояснения по данному предмету, до тех пор Иран будет придерживаться нейтралитета. Поскольку российская сторона была заинтересована в переговорах, то 28 марта 1854 г. из министерства были получены две депешы от Нессельроде на имя Долгорукого (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 205). Согласно официальной депеше (от 23 марта) Долгорукому поручалось содействовать продолжению русско-иранских переговоров в Тифлисе. А в секретной депеше Долгорукому было указано на необходимость способствовать организации военной экспедиции иранцев на Багдад и Солейманию.

Между тем иранская сторона продолжила высказывать свое недовольство поведением Долгорукого. Так, иранский консул в Тифлисе Касем-хан доложил вице-наместнику генералу Н.А.Реаду, который в то время временно заменял Воронцова, о том, что причина отсутствия связи между сторонами заключается в “не отражающих правду” донесениях князя Долгорукого к высочайшему двору, и что именно он препятствует осуществлению данного проекта. Со слов иранского консула, когда Долгорукий явился к шаху, то он якобы пригрозил ему, что в случае не провозглашения Ираном нейтралитета, Россия устроит военную экспедицию в Гилян и Мазандеран (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 207-208). По мнению Реада, такая интерпретация событий была сделана иранской стороной с той целью, чтобы в случае провала переговоров всю вину за него свалить на российского посланника.

Неизвестно, в каком русле и темпе стали бы дальше двигаться русско-иранские переговоры, если бы в марте-апреле 1854 г. не началась активная фаза Крымской войны, когда Турция вместе с Шамилем стала вести совместную борьбу за захват Закавказья, а Англия и Франция объявили России войну. Напряжение на линиях всех фронтов привело российский МИД к смягчению своих требований касательно содержания русско-иранских переговоров. Так, из депешы Нессельроде на имя генерала Реада, отправленного 27 марта 1854 г. и полученного в Тифлисе 21 апреля, следует, что генералу Реаду было поручено вести переговоры с прибывшим в Тифлис с иранским поверенным и заключить с ним трактат или конвенцию на следующих условиях:

1. Россия отказывается от выплаты Ираном одного курура туманов.

2. Обе стороны договариваются, что ни одна из сторон не заключит сепаратного мира.

3. Россия дает слово Ирану, что после заключения мира она предусмотрит его интересы.

Вместе с тем в этой депеше было отмечено, что Россия не может быть гарантом сохранения за Ираном захваченных им земель¹⁶ или же получения им денежной компенсации (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 208). Однако российская сторона была готова согласиться на обладание Ираном тех земель, которые согласно Эрзерумскому трактату¹⁷ принадлежали Ирану, но были позднее захвачены турками в нарушении данного трактата. По мнению Нессельроде, в отношении других земель, которые Иран мог захватить, Россия должна была ограничиться общими формулировками о том, что во время заключения мирного договора она приложит все усилия для получения наиболее благоприятных условий для Ирана. Что касается денег и военного снаряжения, которые требовал Иран, то они могли быть переданы лишь при условии, если военные действия продлятся более одного года. При этом прежде всего следовало выяснить, какого рода помощь была бы необходима иранскому правительству для продолжения военных действий.

Со своей стороны, Иран должен был взять на себя обязательство, что в кратчайшие сроки сконцентрирует в районе Хоя 40-тысячное войско из обещанной российской стороне 60-тысячной армии (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 210). Однако, как вскоре оказалось, согласно заявлениям иранских властей, Иран не был в состоянии сбора в одном месте такого количества войск. Это 40-тысячное войско, как требовала того русская сторона, должно было находиться под общим командованием русских офицеров, которых планировали отправить с этой целью в иранский лагерь. Вместе с тем иранскому правительству следовало взять на себя обязательство, что не допустит нарушения русской границы со стороны иранских курдов. Нессельроде советовал генералу Реаду самому определить, где могут быть наиболее востребованы иранские войска.

Между тем генерал Реад получил из Санкт-Петербурга указание, чтобы тот сообщил бы о своем мнении по “персидскому вопросу”. По данному вопросу генерал Реад 28 апреля 1854 г. представил Николаю I “Краткую записку о персидском вопросе”.

Как выясняется из этой записки, генерал Реад разделял позицию князя Воронцова, что в тех условиях наилучшим выходом для России в случае продолжения войны с Турцией было бы соблюдение жесткого нейтралитета со стороны Ирана. При этом он упомянул об “интригах” против России, устраиваемых английским и турецким консулами в Тегеране (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 210-212). Генерал Реад считал, что находившееся в соседнем Азербайджане количество войск было недостаточным, тем не менее он полагал, что до завершения переговоров не было никакой необходимости для сбора иранской армии в хойской провинции. Причем он исходил из гипотетической возможности ее использования против России. Поэтому, по мнению Реада, следовало убедить шаха немедленно направить свои главные силы не на северо-запад, в сторону Хоя, а к южным границам Ирана, и в частности на Багдад. По замыслу Реада, для Кавказа эта операция могла быть вдвойне полезна: во-первых потому, что Турции пришлось бы снять часть своих войск с турецко-русской границы на Кавказе и перебросить ее на юг, а во-вторых потому, что тем самым она ослабила бы свой карсский корпус (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 213-214).

Самое интересное заключается в том, что опасения Реада о возможном изменении поведения Ирана оказались небеспочвенными. Он допускал мысль о том, что затягивание переговоров и приезд иранского уполномоченного в Тифлис представляли собой “персидскую хитрость”. И все это делалось для того, чтобы завуалировать тайные переговоры с турецким консулом. По мнению Реада, для

умиротворения иранской стороны нельзя было исключить возможность возвращения Турцией Ирану не так давно оккупированного ей района Котура (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 215). В связи с новым обстоятельством генерал Ред считал необходимым подписание русско-иранской конвенции именно в столице, в Тегеране, где Россия могла бы потребовать ее исполнения, а также удаления из Ирана английских и турецких агентов (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 215-216).

На следующий день, 29 апреля после отправки вышеупомянутой записки в Санкт-Петербург генерал Ред получил из Тегерана депешу от Долгорукого, в которой было сказано, что шах и садр-азам уклоняются от отправки своего уполномоченного в Тифлис, и что она может вообще не состояться. Однако через несколько дней, 4 мая была получена очередная депеша от Долгорукого об отправке шахского курьера в Тифлис. Причем по заданию Насер эд-Дин-шаха садр-азам просил передать генералу Реду следующее: “Бедность наша, – сообщал садр-азам, – не позволяет нам содержать армию нашу более 6 месяцев, от чего и в мирное время она получает денежное довольствие за первую половину года, разумея этим, что расход этот пал бы на Россию и Персию пополам по размеру персидских войск, представляемых распоряжению Его Императорского Величества”. По утверждению садр-азам, после подписания соглашения иранское правительство отправило бы в Тифлис военного комиссара с тем, чтобы тот упорядочил бы движение войск и все вопросы, касающиеся военной части. “Мы можем поставить, – присовокупил садр-азам, – 80 тыс. пехоты, 20 тыс. кавалерии и 10 тыс. артиллеристов, а лучшие из наших войск числом 35 тыс. мы отдадим в распоряжение России, а остальные будут направлены на Могомеру, на Багдад, Герат, Мерв и проч.” (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 218-219).

В ответ на записку Реда, отправленной 28 апреля 1854 г., Нессельроде заметил, что жалобы тифлисского консула Касим-хана о якобы плохом поведении Долгорукого в Иране оказались ложью, и что Ред был прав в том, что в случае провала переговоров иранцы все могли бы свалить на Долгорукого. По сообщению Нессельроде, тем не менее Долгорукого все-таки следовало отозвать из Тегерана, а на его место временно назначить российского генерального консула Н.А. Аничкова (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 220). Между тем Аничкову было дано указание, что если иранцы откажутся от союза, то и нейтралитет был бы весьма желателен, лишь бы они не примкнули к врагам России (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 220-221). Нессельроде выразил надежду на заключение русско-иранского союза, поскольку теперь место Долгорукого занял бы опытный и хорошо известный шахскому двору поверенный в делах Аничков. Он выразил надежду, что появление Аничкова в ранге посланника окажет положительное влияние на шахское правительство (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 222). Аничкову было дано указание, чтобы тот оставил бы иранской стороне надежду на союзничество, которое предложили сами же иранцы. Иранское правительство продолжило свою игру в переговоры. Там заявили, что не могут послать уполномоченного в Тифлис, но если будет желание у российской стороны, то она может пожаловать в Тегеран. После такой перетасовки российский МИД был вынужден отправить Аничкову две инструкции, в которых было учтено сложившееся положение.

Согласно официальной инструкции, российский император считал необходимым учесть опасения Ирана, что в случае заключения русско-иранского военного союза против Турции, Англия могла напасть на Персидский Залив со стороны Афганистана, Белуджистана и Кермана, а Россия не смогла бы оказать ей военную помощь. По этой причине, российский император считал необходимым, чтобы между двумя соседними странами было заключено такое соглашение, которое не дало бы повод Англии в организации подобной агрессии. Следовательно, у этого союза не должно было быть

наступательного характера. Принимая во внимание все вышеизложенное, Аничков был уполномочен подписать акт, согласно которому Иран взял бы на себя обязательство не предоставлять врагам России никакой помощи, включая вывоз хлеба и военных припасов для турецкой армии. Не следовало допустить также перехода турецкими войсками иранской границы с целью нападения на русские посты. Иран также должен был иметь надзор над подведомственными ему курдами, чтобы не допустить их грабежей на линии русско-иранской границы. Как утверждали составители данной инструкции, несмотря на то, что этот акт не имел наступательного характера против Порты, а являлся лишь свидетельством дружбы между двумя странами, по этой причине он не мог стать поводом для вражеских действий со стороны Англии. Тем не менее в инструкции было указано на необходимость хранения этого акта в тайне. В инструкции также было указано о готовности России простить Ирану выплату оставшегося одного корура туманов (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 222).

Согласно же секретной инструкции, военная помощь со стороны иранцев считалась бесполезной (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 223), тем не менее, ведя переговоры с Ираном, российское правительство ставило перед собой целью недопущение заключения Ираном какого-либо союза с противниками России. Вместе с тем в секретной инструкции было подчеркнуто о незаинтересованности России в передаче Ирану денег на содержание его войск, «коих значительная часть, – как справедливо указывали в инструкции, – по всей вероятности, существовала бы только на бумаге, между тем как наши деньги послужили бы для экспедиции имеющих целью одни интересы Персии и произвели бы для нас большие затруднения при заключении мира с Портою и ее союзниками. Если Персия пожелает устроить поход на Багдад или Солейманию, то она сможет сделать это и без нас» (ЦГИАГ. Ф.1. Оп.1. Д.2890: 223-225). Кроме того Аничков не должен был согласиться на участие России в войне Ирана с Турцией и Англией.

4. Иранская конвенция о нейтралитете в Крымской войне.

После долгого зондажа позиций и изменения формулировок пунктов русско-иранского соглашения, наконец 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете Ирана в Крымской войне. Причем иранское правительство настоятельно потребовало, чтобы этот союз был сохранен в тайне, в связи с чем шах заявил, что в случае его разглашения он освободит себя от взятых на себя обязательств.

Основные положения русско-иранской конвенции о нейтралитете Ирана сводились к следующим четырем пунктам:

1. Иран дает клятву, что не окажет военной помощи врагам России на всем протяжении ее войны с Турцией и ее союзниками. Не окажет им никакой военной помощи, идущей вразрез с нейтралитетом. Не допустит вывоза провианта для войск стран, действующих против русской армии. Не позволит им пересекать границу Ирана с целью совершения нападения на российские границы. Не допустит курдские племена к границам России.

2. Иран не допустит вывоза военных припасов для войск стран, воюющих против России.

3. Россия берет на себя обязательство, что если Иран будет соблюдать условия конвенции на протяжении всей войны, то Россия откажется от взывания последнего корура.

4. Эта конвенция не меняет ничего в соглашениях, заключенных между двумя странами.

Следует заметить, что в своей ноте садр-азам подтвердил условия конвенции, раскрыв при этом содержание каждого ее пункта. Например, он уточнил районы, откуда запрещался вывоз хлеба и риса – провинции: Азербайджан, Герус и Керман. Единственным исключением составлял вывоз провианта для нужд паломников. Причем на один караван паломников был рассчитан вывоз до 100 вьюков зерна и только через

один таможенный пункт, расположенный на западной границе, в Зохабе. В ноте было сказано о том, что порядок отправки караванов будет зависеть от местных обычаев, но что их не будут отправлять чаще 3-х дней пути; “погонщикам будет дозволено вывозить с собой по всей границе Персии по 6-ти батманов Тавризских на человека рису и столько же хлеба для собственного употребления” (ЦГИАГ.Ф.1.Оп.1.Д.2890.Л.226-228). Исключение составляли и кочевники, обитавшие по обе стороны границы, которым не запрещалась продажа съестных припасов. Вслед за подписанием этой конвенции состоялась ее ратификация.

Таким образом, длительные русско-иранские переговоры, начавшиеся вскоре после разрыва дипломатических отношений с Турцией летом 1853 г., завершились подписанием в Тегеране 29 сентября 1854 г. конвенции о нейтралитете Ирана в Крымской войне. Хотя в начале переговоров речь шла о заключении русско-иранского военного союза, однако из-за изменения позиций Ирана вопрос о военном союзе окончательно отпал. Тем не менее, в условиях, когда Россия терпела военные неудачи как на Балканах, так и на Крымском полуострове, а турки рвались вглубь Грузии, надеясь на объединение своих сил с войском Шамиля, подписание конвенции о нейтралитете Ирана можно считать победой русской дипломатии.

3. Заключение. В итоге, хотя Россия и добилась успеха на Кавказском фронте в войне с турками, в результате которого были взяты Карс и Баязет, он не смог перевесить поражения в войне с европейской коалицией. Трудно сказать чем могла бы закончиться Крымская война, если бы она приняла общеевропейский характер, но внутренние противоречия между членами коалиции, а именно Франции и Англии, не дали Крымской войне перерасти в общеевропейскую. Более того, благодаря тому, что Франция и Австрия умерили свои требования, а точнее смягчили условия заключения мира вопреки жестким требованиям Англии, сыграли решающую роль в успехе мирных переговоров, завершившихся подписанием 18/30 марта 1856 г. в Париже мирного договора или трактата.

Следует признать, что на конечный результат Крымской войны в некоторой степени повлияло и соблюдение Каджарским Ираном строго нейтралитета, что дало возможность России предотвратить заключение ирано-турецкого военного союза и склонить в свою пользу чашу весов в войне с Турцией на Кавказе.

P.S. По условиям Парижского договора Россия вернула Турции Карс и Баязет, а европейская коалиция вывела свои войска с Крымского полуострова и черноморского побережья России. Этим договором гарантировалась территориальная целостность Османской империи. Черное море объявлялось нейтральным. Вместе с договором в Париже были подписаны две конвенции, сильно ограничившие права России на Черном море: одна по Дарданельскому и Босфорскому проливам, которая признавала верховенство Османской империи над ними, а также устанавливала режим прохода через них гражданских и военных судов (Сборник договоров России, 1952: 23-34, 35-37), и другая – “относительно содержимых в Черном море военных судов”, согласно которой Турция и Россия договаривались, чтобы каждая из сторон не имела на Черном море более 6 паровых судов до 50 метров длины по ватерлинии и вместительностью не свыше 800 тонн и по четыре легких паровых или парусных судна, коих вместительность по отдельности не должна была превышать 200 тонн (Сборник договоров России, 1952: 38-39).

За последующие пятнадцать лет после подписания Парижского договора, исходя из своих конъюнктурных интересов, Франция, Австрия и Пруссия всячески поощряли Россию на отмену условий Парижского договора (Baumgart, 1999: 192), что ей фактически удалось сделать уже в 1871 на Лондонской конференции. В результате переговоров 13

марта 1871 г. был заключен Лондонский договор, согласно которому *de-facto* отменялся статус “нейтральности” Черного моря и вместе с ним ограничения на содержание в нем малого количества судов со стороны России и Турции (Shotwell, 1922: 525-527). Таким образом, спустя пятнадцать лет Россия смогла восстановить свои позиции на Черном море и вернуться к положению, существовавшему до заключения унижительного для России Парижского мирного договора 1856 года.

Примечания

¹ Страдфорд Каннинг Де Редклиф – опытный английский дипломат, в 1842-1858 гг. возглавлял английское посольство в Константинополе (<http://en.wikipedia.org>).

² Лорд Генри Джон Темпл Пальмерстон – один из выдающихся английских политиков XIX века. В 1835-1841 гг. и 1846-1851 гг. занимал пост министра иностранных дел, а в 1855-1858 гг. и 1859-1965 гг. пост премьер-министра Англии (<http://en.wikipedia.org>).

³ Джордж Гамильтон-Гордон Абердин в 1852-1855 гг. премьер-министр Англии (<http://en.wikipedia.org>).

⁴ Следует заметить, что в 1841 г. в Лондоне четыре государства, а именно Англия, Россия, Австрия и Пруссия, согласно лондонской конвенции о проливах, определили будущий статус черноморских проливов Босфора и Дарданелл. Позже к этой конвенции присоединилась и Франция. По этой конвенции (статья I), за турецким султаном признали право во время войны закрывать черноморские проливы для всех военных судов. Основные положения этого документа были в дальнейшем подтверждены Парижским договором 1856 г. и Лондонским договором 1871 г. Между прочим этот документ, как общепризнанный документ международного права, был в силе вплоть до начала Первой мировой войны (Shotwell, 1922: 463-527).

⁵ Следует заметить, что мысль о захвате Босфорского пролива и Константинополя, который дал бы российскому флоту возможность господствовать на Средиземном море и благодаря узкому Дарданельскому проливу был защищен от вражеского флота, у Николай I возникла задолго до составления упомянутого документа. Еще в 1844 г. во время своего визита в Англию он поделился своими соображениями с английским правительством (Hamley, 1971: 2,5).

⁶ Согласно сведениям английского генерала сэра Эвелин Вуда, тогда в Синопской бухте было уничтожено 11 турецких военных судна и только одному судну удалось спастись и сообщить эту весть в Константинополь (Wood, 1895: 4).

⁷ Замбураки – пушки малого калибра, которых, как обычно, крепили на спинах верблюдов и мулов. Обслуживавшего эту пушку артиллериста называли “замбуракчи” (примечание Н.Тер-Оганова).

⁸ Садр-азам это должность великого визиря или премьер-министра в Каджарском Иране (примечание Н.Тер-Оганова).

⁹ В эпоху правления в Иране династии Каджаров Солтание, находившийся недалеко от турецкой границы, был традиционным местом сбора иранских войск (примечание Н.Тер-Оганова).

¹⁰ Кстати, этот пункт также фигурировал и в плане Пальмерстона, что свидетельствует о позиции Англии в вопросе решения вопроса Закавказья в пользу Турции.

¹¹ Корур равен пятистам тысячам (примечание Н.Тер-Оганова).

¹² Вместе с инженер генерал-майором Санковским в ноябре 1853 г. Воронцовым в Иран был командирован в составе штата Особой военно-дипломатической миссии титульный советник, младший помощник Чиновника тайной части канцелярии наместника царя на Кавказе Рисс (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.2890: 239).

¹³ Н.А. Аничков был одним из самых образованных и талантливых российских консулов в Тавризе, о чем свидетельствуют его донесения, полные глубокого анализа внутривосточного и экономического положения в Иране (ЦГИАГ. Ф.11. Оп.1. Д.1172, 1188, 1552, 1655, 1761, 1978 и др.).

¹⁴ То есть – Иран. В русских, как и в европейских официальных документах, как и исторических материалах того периода общепринятым названием Ирана была “Персия”, хотя сами иранцы всегда пользовались названием “Иран” (примечание Н.Тер-Оганова).

¹⁵ Скорее всего имеется в виду газета “*Рузнаме-йе эттефакийе*”, которая стала издаваться в Тегеране по инициативе бывшего иранского премьера-министра Мирзы Таги-хана (примечание Н.Тер-Оганова).

¹⁶ Нессельроде имел в виду те земли, которые могли быть захвачены иранской стороной в результате похода на Багдад и Сулейманию (примечание Н.Тер-Оганова).

¹⁷ Имеется в виду турецко-иранский договор о разграничении 1847 г., который был подписан в Эрзеруме после завершения работы четырехсторонней комиссии по демаркации турецко-иранской границы в составе Ирана, Турции, России и Англии (примечание Н.Тер-Оганова).

Литература:

- Пушкарев, 1956 – *Пушкарев С.Г.* Россия в XIX веке (1801-1914). Нью-Йорк, 1956.
Сборник договоров России, 1952 – Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. Под редакцией Е.А. Адамова. Москва, 1952.
Тарле, 1950 – *Тарле Е.В.* Крымская война. Второе издание. Т.I, Москва-Ленинград, 1950.

- ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.
Badem, 2010 – *Badem Candan*. The Ottoman Crimean War (1853-1856). Heiden-Boston, 2010.
Baumgart, 1999 – *Baumgart Winfried*. The Crimean War 1853-1856. London-Sydney-Auckland, 1999.
Hamley, 1971 – *Hamley Edward*. The War in the Crimea. Third edition. Westport, Connecticut, 1971.
Jelavich, 1964 – *Jelavich Barbara*. A Century of Russian Foreign Policy. 1814-1914. Philadelphia and New York, 1964.
Kornilov, 1970 – *Kornilov Alexander*. Modern Russian History. From the Age of Catherine the Great to the End of the Nineteenth Century. New York, 1970.
Lincoln, 1978 – *Lincoln W.Bruce*. Nicolas I Emperor and Autocrat of All The Russians. Bloomington and London, 1978.
Ponting, 2004 – *Ponting Clive*. The Crimean War. London, 2004.
Royle, 2004 – *Royle Trevor*. Crimea. The Great Crimean War 1854-1856. New York, 2004.
Shotwell, 1922 – *Shotwell James*. A Short History of the Question of Constantinople and the Straits. *International Conciliation*. No.180. 1922. Pp.463-527.
Vulliamy, 1939 – *Vulliamy C.E*. Crimea. The Campaign of 1854-1856. With an Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 1939.
Warner, 1972 – *Warner Philip*. The Crimean War. A Reappraisal. New York, 1972.
Wood, 1895 – *Wood Evelyn*. The Crimea in 1854, and 1894. London, 1895.

References:

- Pushkarev, 1956 – Pushkarev S.G. Rossiya v XIX veke (1801-1914) [Russia in the XIX century (1801-1914)]. N'yu-Jork, 1956. [in Russian].
Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856-1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917]. Pod redakciej E.A. Adamova. Moskva, 1952. [in Russian].
Tarle, 1950 – Tarle E.V. Krymskaya vojna [Crimean War]. Vtoroe izdanie. T.I, Moskva-Leningrad, 1950. [in Russian].
CGIAG – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia]. [in Russian].
Badem, 2010 – *Badem Candan*. The Ottoman Crimean War (1853-1856). Heiden-Boston, 2010. [in English].
Baumgart, 1999 – *Baumgart Winfried*. The Crimean War 1853-1856. London-Sydney-Auckland, 1999. [in English].
Hamley, 1971 – *Hamley Edward*. The War in the Crimea. Third edition. Westport, Connecticut, 1971. [in English].
Jelavich, 1964 – *Jelavich Barbara*. A Century of Russian Foreign Policy. 1814-1914. Philadelphia and New York, 1964. [in English].
Kornilov, 1970 – *Kornilov Alexander*. Modern Russian History. From the Age of Catherine the Great to the End of the Nineteenth Century. New York, 1970. [in English].
Lincoln, 1978 – *Lincoln W.Bruce*. Nicolas I Emperor and Autocrat of All The Russians. Bloomington and London, 1978. [in English].
Ponting, 2004 – *Ponting Clive*. The Crimean War. London, 2004. [in English].
Royle, 2004 – *Royle Trevor*. Crimea. The Great Crimean War 1854-1856. New York, 2004. [in English].
Shotwell, 1922 – *Shotwell James*. A Short History of the Question of Constantinople and the Straits. *International Conciliation*. No.180. 1922. Pp.463-527. [in English].
Vulliamy, 1939 – *Vulliamy C.E*. Crimea. The Campaign of 1854-1856. With an Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 1939. [in English].
Warner, 1972 – *Warner Philip*. The Crimean War. A Reappraisal. New York, 1972. [in English].
Wood, 1895 – *Wood Evelyn*. The Crimea in 1854, and 1894. London, 1895. [in English].